

Петр Алексеевич Ширяев

Цикута

Петр Ширяев

Цикута

«Public Domain»

1927

Ширяев П. А.

Цикута / П. А. Ширяев — «Public Domain», 1927

«... Вениамин Аполлонович Гудим встал и протянул юноше руку. В глухом его голосе будто открылась фортка, и стало приветливым суровое лицо.— Ну, здравствуйте, товарищ! Присаживайтесь! От кого у вас ко мне явка? Юноша горячо пожал протянутую руку и ужасно заторопился, когда начал рассказывать.— Вы – товарищ Макс? Я из Нижнего. Я – Николай. Я приехал, я... Вы знаете, что Михаил Семенович арестован. Арестована Фаня, Леонид, Василий Васильевич, вся наша организация провалилась...»

© Ширяев П. А., 1927

© Public Domain, 1927

Содержание

I	5
II	8
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Петр Алексеевич Ширяев

Цикута

I

Прежде чем позвонить, рыжеволосый юноша еще раз перечитал надпись на медной, начищенной ярко пластинке:

Присяжный поверенный

Вениамин Аполлонович

ГУДИМ

Лестница была устлана ковром. Темные двери квартир, с медными дощечками, солидно разместились по просторным площадкам; внизу – купол узорного лифта, похожего на часовню. Юноша приложил ухо к замочной скважине, прислушался и, решительно высморкавшись, нажал пуговку звонка. Все последующее произошло ужасно быстро. Большая столовая с массивной мебелью и тишиной, по которой важно расхаживал маятник больших часов, обняла юношу.

– Как доложить Вениамину Аполлоновичу?

– Скажите я... Я – по делу!.. Я сам скажу, я только что приехал, скажите...

Рыжеволосый посетитель облегченно вздохнул, когда белый фартучек горничной исчез, оставив после себя пряный запах гелиотропа. Хлопнувшая где-то дверь глотнула четкие каблучки, и в тишине столовой выпятился на глаза пузатый буфет с многочисленными дверцами, колонками и резьбой, похожий на средневековый замок.

Юноша подозрительно осмотрелся, заглянул в одно окно, в другое и что-то пощупал в боковом кармане пиджака.

В кабинете – глухой голос пригласил садиться. Из-за письменного стола навстречу юноше двинулись два медленных свинцовых глаза, казавшиеся очень большими на костлявом лице.

Оглянувшись на дверь, юноша шагнул к письменному столу и быстро проговорил:

– Я от Михаила! У Николая Петровича родился сын...

– Кто крестный? – спросил человек за письменным столом.

– Вячеслав.

Вениамин Аполлонович Гудим встал и протянул юноше руку. В глухом его голосе будто открылась фортка, и стало приветливым суровое лицо.

– Ну, здравствуйте, товарищ! Присаживайтесь! От кого у вас ко мне явка?

Юноша горячо пожал протянутую руку и ужасно заторопился, когда начал рассказывать.

– Вы – товарищ Макс? Я из Нижнего. Я – Николай. Я приехал, я... Вы знаете, что Михаил Семенович арестован. Арестована Фаня, Леонид, Василий Васильевич, вся наша организация провалилась...

Вениамин Аполлонович протянул к нему дрогнувшую руку, будто пытался остановить эту торопливую речь, и так, с протянутой рукой, снова опустился в кресло.

– Да, да!.. И Фаня, и Леонид. Я один из всей организации уцелел. По-олный разгром! – взволнованно продолжал юноша, повторяя сказанное. – Аресты начались в субботу, первого арестовали Михаила Семеновича... От всей организации остался только шриффт, он сейчас у моей сестры. Я да шриффт.

Вениамин Аполлонович молчал, сгорбленный, уйдя глубоко в кресло с высокой спинкой. Ни одним словом не прервал он рассказа Николая. И когда Николай кончил – он, казалось, все еще напряженно слушал отзвучавшие слова.

– А... как же уцелели вы? – спросил он, наконец, нарушая молчание, казавшееся бесконечно долгим.

Медленные глаза его поднялись к Николаю, к изрытому оспинками лицу с большим жабьим ртом.

– Я... случайно не ночевал дома. Сестра предупредила меня о засаде. Если бы не она... У нее как раз и шриффт.

Николай проговорил это смущенно, словно чувствуя себя виноватым в том, что он один из всех уцелел.

У Вениамина Аполлоновича под нижней губой был кустик светлых волос. Он закрутил их в запятую и встал. Ковер заглушал шаги. Николай сидел у стола. Когда Вениамин Аполлонович повертывался к нему спиной, он быстро вскидывал на него глаза и провожал его наблюдающим взглядом через весь кабинет, до поворота, и так же быстро опускал глаза, лишь только Вениамин Аполлонович повертывался лицом к нему.

Опустив голову и вздернув костистые плечи, Вениамин Аполлонович долго и молча шагал по кабинету.

Николай тихо проговорил:

– Я хочу немедленно работать...

Вениамин Аполлонович кашлянул и продолжал ходить; заговорил, не поднимая головы:

– В Нижний вам, конечно, ехать нельзя, схватят. Придется послать за шриффтом кого-нибудь другого. Шриффт нам нужен. Кого-нибудь другого, да, да! Людей у нас мало, очень мало, очень... А вам мы дадим работу, работа есть, много работы!.. Неужели же Михаил арестован?! – круто встал он перед Николаем. – Это же, это... не-ве-ро-ят-но! И Фаня? И Леонид?! Вы давно в организации? С девятьсот пятого?

Вениамин Аполлонович вдруг, быстро, нагнулся к Николаю.

– А ведь не-хо-ро-шо?! – дыша в лицо Николаю, прошептал он. И шепот его был острый, колющий и страстный.

– Что?

– Не-хо-ро-шо! – еще тише, еще острее повторил Вениамин Аполлонович. Костлявое лицо с двумя огромными серыми глазами придвинулось так близко, что Николай съежился, и у него было ощущение – будто серый автомобиль с разбегу повесил над его жизнью два своих фонаря... И, глядя в них снизу, он испуганно прохрипел:

– Что нехорошо?

Вениамин Аполлонович взмахнул рукой, схватывая воздух, распустил пальцы, посмотрел на ладонь и, выпрямившись, заговорил зло:

– Конспирации, вот чего не хватает вам, молодежи! А конспирация – вещь очень простая, чрезвычайно простая! Надо только забыть, что вы – Николай. Надо ежесекундно помнить одно: меня, как такового – нет, не су-ществ-ву-ет! Николая нет! Есть организация. Поняли? Вы и каждый ваш шаг связаны с сложным и дорогим механизмом, портящимся от одного неверного движения... Вы – частичка целого. Вы – организация. И тогда конспирация становится для вас такой же естественной и простой вещью, как, например, еда, когда вы несете ложку в рот, а не в нос или в глаз... Я вдвое старше вас. Я старый работник. Но я не существую, как личность. Меня нет. Есть организация, партия, дело... Мы отвечаем перед народом...

Вениамин Аполлонович подошел к столу и, закурив, жадно затянулся. Потом протянул портсигар Николаю.

– Я не курю.

Когда Николай уходил, снабженный адресом неизвестной ему "товарища Наташи", где он должен получить дальнейшие указания и работу, Вениамин Аполлонович задержал его на дороге.

– Забудьте, что существует Вениамин Аполлонович Гудим, – проговорил он, растягивая выразительно слова. – Такого нет, и вы не знаете такого. Есть – товарищ Макс. Никогда вы у меня на квартире не были. Поняли? Идите! Скажите товарищу Наташе, что сегодня, в семь, я жду ее.

II

Буйный, пестрый букет цветов озарял большую комнату свежестью красок, и от них в комнате казалось рассветней и больше воздуха. Невольно вспоминалось поле, где так много неба. И, может быть, от этого печаль на красивом лице Наташи проступала ярче и запоминалась. Она сидела у окна, сцепив на колене голые, обвеянные загаром руки. Николай только что кончил печальный рассказ о разгроме нижегородской организации. Он в первый раз видел Наташу. Наташа впервые видела его.

– Когда вы приехали? – мягко, будто по бархату прошла словами, спросила Наташа.

– Сегодня утром. Я с вокзала прямо к товарищу Макс.

– Макс, конечно, читал вам поучения, а чаю не предложил, – с улыбкой встала Наташа. – Он у нас такой... Понравился он вам?

Такая же тихая и мягкая в движениях, как и в словах, она неторопливо накрыла стол, принесла самовар, колбасу, сыр и, усевшись против Николая, строго следила за тем, чтобы он ел и сыр, и колбасу, и ватрушки.

– Ешьте и не возражайте! Люблю, когда едят с аппетитом. Простите, я не дослушала, что вы сказали о Максе?

– У него очень большие глаза. Такие... кажется, одни глаза, а ничего другого нет!

Наташа серьезно сказала:

– У него большое сердце... Вот поработаете у нас – убедитесь. Сколько вам лет?

– Двадцать один... То есть, почти двадцать один, – смутившись, поправился Николай и, помолчав, неожиданно добавил: – В ноябре сравняется двадцать...

– У вас в Нижнем есть родственники?

– Сестра Лиза.

– Это у нее лежит шриф? Она беспартийная?

Наташа задумалась. Николай исподлобья наблюдал за ней. На одном из пальцев правой руки она носила кольцо. Николай посмотрел на кольцо и спросил:

– Вы та самая Наташа... Ваш муж осужден по делу киевской организации?

Наташа тихо кивнула головой.

– А вы откуда знаете? Вам говорил Макс?

– Нет, Михаил Семенович рассказывал...

Наташа не спросила, когда и что рассказывал Михаил Семенович Николаю; обвела пальцем узор скатерти, и, подавив вздох, выпрямилась.

– Я вас, товарищ, пока направлю в Кусково на дачу. Там поживете для дезинфекции, оглядитесь. Потом и на работу. Паспорт у вас есть?

– Да.

– Надежный?

– Настоящий.

– А деньги?

– Тоже есть.

– Сколько? А ну... показывайте вашу кассу! Рубль десять копеек?! И это все?! – рассмеялась Наташа, заглянув в кошелек. – Да вы комик!

Она достала из стола пятнадцать рублей и всунула их в кошелек Николая.

– Теперь вы нелегальный, не рассуждайте!.. Кстати, возьмите цветочков, подарите их от меня Оле. Хозяйку дачи зовут Ольга Александровна, запомните. Там очень хорошо, отдохнете и успокоитесь, а работы у нас хватит...

Проводив Николая, Наташа подошла к раскрытому окну и, выждав, когда он выйдет из подъезда, долго наблюдала за ним. Выйдя из подъезда, Николай посмотрел на номер дома, где

жила Наташа, и, словно запоминая что, осмотрелся по сторонам. Потом торопливо зашагал по улице и, раза два оглянувшись, скрылся за углом. Извозчик, стоявший на другой стороне улицы, трусцой поехал по тому же направлению.

III

Наташа, а с нею и весь комитет, были уверены в благополучном исходе поездки за шрифтом. Было решено послать Сергея, а Сергей был старым, опытным волком в таких делах. По внешности Сергей напоминал скорее молодца из Охотного ряда, чем революционера-подпольщика. Длинный пиджак и сапоги бутылкой дополняли сходство. Самому Сергею поездка казалась пустяком, и в ответ на наставления Вениамина Аполлоновича о конспирации он так умогательно поклонился стриженной в скобку головой и так по-охотнорядски почтительно снял и развел суконным засаленным картузом, что все расхохотались. Даже нервный и вспыльчивый Адольф.

– Не извольте сомневаться, барин, рыбец-с первый сорт-с! Покорнейше благодарим-с, милости просим в другой раз!

По дороге в Нижний Сергей усердно наливался чаем из захваченного с собой чайника, ел колбасу, крупно нарезанную перочинным ножом, крестился и икал... С предупредительностью лавочника помогал соседям размещать по полкам багаж и при каждом случае извинялся:

– Виноват-с, что вы изволили сказать? Никак-с нет!

На вокзале в Нижнем Сергей долго и навязчиво расспрашивал у жандарма, как ему пройти на Больничную улицу; потом толкался по вокзалу, пил вприкуску чай в буфете третьего класса и вышел с вокзала только тогда, когда убедился, что за ним не следят.

Сестра Николая жила на окраине города. На звонок Сергея вышла молодая женщина с приветливым лицом.

– Лизавета Семеновна Новожилова здесь квартируют?

– Здесь. Вам что?

– Нам повидать ее...

Молодая женщина посмотрела на рыжий кожаный чемодан в руке Сергея. Сказала немного удивленная:

– Я Елизавета Семеновна.

Сергей улыбнулся и решительно шагнул в калитку.

– Здравствуйтесь, я – от Коли. Он вам кланяется и просил передать, что жив и благоденствует.

– От Коли?! Боже мой! – радостно всплеснула руками Елизавета Семеновна и заторопилась, пропуская вперед Сергея. – Заходите, заходите, пожалуйста! Я так за него беспокоилась, так боялась! Значит, все благополучно?

В маленьких комнатках было опрятно и пахло яблоками. На одной из стен висел большой портрет Толстого.

– Мы с мужем как проводили его – все время беспокоились! Боялись, что по дороге его арестуют. Слава богу, что все хорошо! Как он там живет, как устроился?

– Великолепно!

Сергей совсем не знал, как живет Николай, и видел его только один раз, в день отъезда, когда получил от него необходимые для поездки сведения.

– Я к вам за багажом, – многозначительно посмотрел он на Елизавету Семеновну, – цел он?

– Шрифт?

– Да.

– Цел, цел, с ним столько было хлопот! Прятали, перепрятывали, у нас в городе обыски без конца.

Сергей до вечера просидел в маленьких чистых комнатах, где так славно пахло яблоками и медом. За чаем он вел бесконечные споры с Елизаветой Семеновной и ее мужем, доказывая

несостоятельность толстовского учения "о непротивлении злу". Муж Елизаветы Семеновны с вдумчивым, апостольским лицом мягко возражал. В его мягкости чувствовалась сталь, которую не сломать.

"Какие милые, славные люди", – думал Сергей, сидя на извозчике, с объемистой корзиной в ногах. К ручке корзины веревочкой был привязан чайник из белой жести.

Жизнь подпольного работника-революционера напоминала всегда Сергею жизнь пчелы, собирающей в полях и садах драгоценную медовую влагу. Незнакомые города, чужие дома и семьи, люди, с которыми часто встречаешься первый и последний раз, были чашечками цветов, в глубине которых теплился огонек сочувствия, огонек одной и той же огромной любви к свободному, прекрасному будущему. И в этих случайных встречах с людьми, доселе неизвестными – поэтому велись речи, очищенные от житейских будней и дрызг, речи о народе, об идеалах, об общем всечеловеческом счастье. И, быть может, поэтому после таких встреч оставалось светлое и радостное чувство на душе, сильнее верилось, а люди, с которыми только что расстался, казались милыми, добрыми, прекрасными. И не пугали опасности этой жизни. Корзинка со шрифтом казалась тем чудодейственным средством, которое спасет и осчастливит, наконец, человечество.

– Хороший город Нижний! – сказал Сергей извозчику, чувствуя потребность что-нибудь сказать.

– Первый город! – с достоинством отозвался извозчик, окая, как истый нижегородец. – Ярмарки такой не сыскать. Из Москвы будете?

– Из Москвы. К сестре приезжал. Сестра у меня тут отдана, – начал врать Сергей, приглядываясь к извозчицкой спине и думая о том, что извозчики часто бывают шпиками. – Сено у вас почему?

– Сена нынешний год дорогие!

"У извозчиков сена и овес всегда дорогие!" – подумал Сергей и, почему-то решив, что извозчик не шпики, успокоился и заговорил об ярмарке.

В вагоне он опять наливался чаем, ел колбасу, вел разговоры с почтенной чуйкой напротив, плевал на пол и растирал плевки сапогами. Подъезжая к Москве, он прошел два раза по вагону. Ничто не внушало подозрений. Все пассажиры казались обыкновенными пассажирами.

"Кажется, все в порядке! – подумал он. – На Курском выйду вместе с этой чуйкой, заведу разговор, так лучше!"

– И куда спешат?! – сказал он чуйке, когда поезд остановился и пассажиры бросились к выходу. – Все выйдем, успеем... Нецивилизованный народ пошел!

– Да уж... – неопределенно согласилась чуйка и втиснулась в кашу, образовавшуюся на площадке.

Тяжелая корзина оттягивала плечо, но Сергей старался держаться прямо, свободно, делая вид, что корзина совсем легкая.

– Один раз, в позапрошлом годе, послал меня, например, хозяин в Царицын, – громко врал он, идя рядом с чуйкой к выходу, – поехал я, изволите видеть, приезжаю, значит, туда...

Широкая рука прочно взяла Сергея сзади под локоть. Он не успел додумать какой-то мысли. Рослый жандарм очутился близко-близко. Слева – человек в штатском протягивал руку к корзине.

Мысль лопнула режущими осколками:

"Вокзал... Толпа... Скроюсь..."

От толчка с жандарма свалился картуз, но цепкие руки осадили Сергея назад, и, казалось, вся толпа, все толкавшиеся на вокзале люди всей своей многопудовой непосильной тяжестью повисли на плечах. Десятки глаз со всех сторон протянулись к Сергею – испуганные, непонимающие, любопытные, но все чужие. И острое сознание одиночества, тоскливое и вместе с тем успокаивающее, как сталь в сердце, вошло в Сергея...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.